

Полемика В.С. Соловьева с Б.Н. Чичериным о сущности права и об отношении права и нравственности

© С.Е. Крючкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125165, Россия

Проанализирована знаменитая полемика русского религиозного философа В.С. Соловьева и юриста-правоведа Б.Н. Чичерина о глубинной сущности права, принципах, лежащих в его основе, и о взаимоотношении права и нравственности. Обосновано, что противоположные подходы к пониманию права у Соловьева, который трактовал право как некий этический «минимум», удерживающий общество от того, чтобы жизнь в нем не превратилась в ад, и Чичерина, исходившего из идеала свободной личности и доказывавшего автономное существование и разнонаправленность права и нравственности, тем не менее, имеют общие контраргументы, которые выявляются со временем в ходе рецепции их позиций современными исследователями. При анализе основных аргументов и контраргументов сторон выделены мировоззренческие основания и методологические установки участников полемики. На примере трактовок таких ключевых категорий, как нравственность, право, свобода, совесть, показана обусловленность имеющихся у участников полемики концептуальных противоречий принадлежностью к различным типам миропонимания. Критические реакции современников на данный спор в определенной степени коррелируют с оценками его исследователями настоящего времени, занимающимися проблемами этики и философии права. Сделан вывод, что в отечественной этической литературе сегодня превалирует (хотя и в «смягченной» версии) соловьевская оценка нравственности как более высокой инстанции по сравнению с правом. В качестве современной продуктивной стратегии решения вопроса о соотношении права и нравственности предложено рассмотреть модель взаимодополнительности, ориентированную на гармонизацию с помощью норм права идеи общего блага, с одной стороны, и соблюдения прав отдельной личности — с другой.

Ключевые слова: право, нравственность, добро, свобода, справедливость, государство, принуждение

В последние десятилетия актуализировались и приобрели дополнительную остроту научные исследования, в которых в том или ином аспекте поднимается вопрос о взаимосвязи права и нравственности как важнейших социальных регуляторов. Он имеет давнюю философскую традицию, возникшую еще в античности (моральная философия Платона и Аристотеля), разрабатывавшуюся в Средние века (Фома Аквинский), Новое время (Гроций, Спиноза, Локк) и особенно активно в XIX в. (Кант, Фихте, Гегель), когда философия права предметно оформилась как самостоятельное научное направление. В этот же период в работах русских философов и в общем идейном пространстве

того времени важное место занимали дискуссии о сущности права и о его связи с нравственностью. Спектр позиций был весьма широк: от отрицания различий права и нравственности по содержанию (Л.И. Петражицкий) и их противопоставления (Г.Ф. Шершеневич) до признания связи между ними и рассмотрения права как низшей ступени на пути к нравственному совершенству, по которому должен идти каждый человек (В.С. Соловьев) [1]. Две последние позиции нашли яркое отражение в одной из наиболее известных дискуссий между Владимиром Соловьевым — «самым полнозвучным аккордом» (С.Н. Булгаков) в истории русской философской мысли, и его оппонентом — профессионалом-юристом Б.Н. Чичериным, пытавшимся (под влиянием Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, А.И. Герцена) перенести принципы гегельянства в российское правописание. Спор между ними состоялся в 1890-х годах, широко обсуждался современниками и серьезно повлиял на способы теоретизирования в истории отечественной философии права — общей для юристов и философов области.

Современные исследователи (среди которых и философы, и правоведа) достаточно часто обращаются к данному спору как стимулирующему научную мысль, в которой сегодня преобладает следующая позиция: мораль расценивается выше права в качестве его предела и ограничения [2, с. 7]. Она перекликается с позицией Соловьева, конкретизируясь в зависимости от того, *как* расценивается воздействие морали на право: прямым и внешним *способом* или внутренним, существующим внутри пространства самого права. Примером могут служить работы Е.А. Лукашевой, в которых исследована внутренняя моральность права [3, с. 17]. Однако в философии права также сохраняется «чичеринская» тенденция рассматривать право и нравственность как автономные, суверенные системы, между которыми нет генетической или субстанциональной зависимости [4]. Такой позиции придерживается В.С. Нерсисянц — автор либертарно-юридической концепции, основанной на принципе формального равенства права и нравственности, а также С.С. Алексеев и др. [5, с. 136]. Примером того, что коллизии спора Соловьева и Чичерина сохраняют актуальность в современном философско-правовом дискурсе, может служить послевоенная дискуссия между Г. Хартом и Л. Фуллером, занимавшими разные позиции в вопросе об отношении морали и права в нацистской Германии [6, 7].

Рецепция современными исследователями идей полемики Соловьева и Чичерина достаточно часто встречается сегодня в философско-правовом дискурсе, возможно, потому, что она позволяет более точно проблематизировать некоторые парадоксальные аспекты права, обнаруженные в последние десятилетия в ходе обсуждения ряда правовых проблем, таких как смертная казнь и др. [8]. Хотя главный

интерес вызван тем, что в ней затрагиваются правовые вопросы мировоззренческого характера, ответы на которые в свое время задали направление дальнейшего развития правовых доктрин [9].

Концепция Чичерина в исторической перспективе оказала важное воздействие в первую очередь на правоведение, а соловьевский подход — на этическую мысль. Сегодня идеи Соловьева чаще всего актуализируются при обсуждении проблем свободы личности и правового государства, являющегося идеалом современного политического мира, а также реальных проблем, связанных с конкретными поступками индивидов в сфере морального [10, с. 26]. К таким проблемам относят: кризис морального самосознания в обществе, особенно в молодежной среде, вопрос о причинах возрастания правового нигилизма, а также роли государства, которое через систему образования и права участвует в нравственном воспитании граждан [11, с. 5]. Исследователи вспоминают о философско-правовом наследии Соловьева при анализе глубинной сущности права и его способности осуществлять справедливость и минимизировать карательное насилие в условиях, когда «право силы» доминирует над «силой права». Сохраняет актуальность соловьевское требование к государству обеспечивать прожиточный минимум («минимальное обеспечение достойного существования»), которое оказало сильное влияние на формирование отечественного неолиберализма в лице П.И. Новгородцева, высоко оценившего эту идею философа в своем очерке, посвященном проблеме взаимоотношения права и нравственности в философии Соловьева [12, с. 286], а также впечатлило современников (С.И. Гессен, И.А. Покровский, Л.И. Петражицкий и др.).

Весьма темпераментный и даже резкий по форме интеллектуальный поединок между Соловьевым, «вышедшим из славянофильской романтики сторонником теократии... поборником объективности социального целого, несмотря на мистицизм» [13, с. 138], и западником-либералом Чичериным, рационалистом и индивидуалистом, имел предысторию. Чичерин в работе «Мистицизм в науке» подверг резкой критической оценке докторскую диссертацию Соловьева («К критике отвлеченных начал»), написанную с позиции формалистического понимания права с акцентом на непреодолимых различиях между ним и религиозной моралью. По мнению современников, он отнесся к этой ранней работе Соловьева «со слишком большой строгостью» (Э.Л. Радлов). Со «злой иронией» (А. Кожев) Чичерин оценил соловьевскую «мистическую» систему, в основе которой лежала цель — христианское преображение жизни на началах истины, добра и красоты как продукт субъективной фантазии и воображения [14, с. 132]. Это было первое столкновение мыслителей.

Второе и наиболее важное столкновение их позиций, явившееся, по мнению Г.Д. Гурвича, «кульминационным пунктом в развитии

русской философии права» [13, с. 138], было в 1897 г., после того как Чичерин опубликовал в уважаемом научном журнале того времени «Вопросы философии и психологии» рецензию под названием «О началах этики». Предметом критики явились две работы Соловьева: «Оправдание добра» и «Право и нравственность». К этому времени в творческой эволюции Соловьева произошли серьезные изменения: в ходе позиционирования нравственных аспектов права он не только преодолел характерное для раннего периода творчества отрицание существенной связи нравственности и права, но и стал критиковать прежнее формалистическое его понимание, отказывая праву в статусе некоего абсолютного начала. Чичерин занимает иную позицию в этом вопросе, устанавливая между правом и нравственностью непроходимую границу, полагая, что, несмотря на общность цели, дороги, по которым они идут к ее достижению, различны.

Полемику продолжил Соловьев, его контраргументы на замечания Чичерина были опубликованы в этом же издании под названием «Мнимая критика», где в ходе противопоставления позиции оппонента своего понимания свободы воли как безусловной (считавшего волю чистым произволом) он решительно отвергает общий подход Чичерина к решению задач нравственной философии [15]. При всей запальчивости тона критический ответ Соловьева был по существу, философ привел новые дополнительные аргументы в обоснование своей позиции.

Вопрос о соотношении права и нравственности, по мнению Соловьева, является одним из коренных вопросов именно *практической философии*, поэтому необходимо отвергнуть как нигилистическое отношение к праву, когда его отождествляют с «замаскированным злом» (Л. Толстой) [8], так и апологетическое, представленное в лице Чичерина [16, с. 4]. Соловьев выбирает «третий путь» — путь синтеза этического абсолютизма с историцизмом. Он полагает, что «между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [17, с. 446]. Правовед и философ Е.Н. Трубецкой так комментирует эту мысль Соловьева: у нравственности и права есть сфера пересечения, где их требования совпадают, но есть и специфические, отдельные области, «в коих их требования частью не сходятся между собой, частью даже прямо противоречат друг другу» [18, с. 306].

В своей попытке выявить внутреннюю фундаментальную обусловленность права нравственностью Соловьев одновременно старается «отстоять идеальную сущность права» [12, с. 286]. При этом он проводит четкие различия между ними: требования нравственности, в отличие от правовых, имеют неограниченный характер, поэтому

право — «*определенный минимум нравственности*», реализацию которого оно требует, допуская при этом принуждение, необходимое для устранения известной доли зла [17, с. 72]. Таким образом, изначально Соловьев подчеркивает всеобъемлющий характер нравственной заповеди — добровольных норм нравственности в человеческом стремлении к совершенству (идеальному максимуму) и ограниченный характер четко определенных и допускающих принуждение норм права, позволяющих миру «*до времени не превратиться в Ад*» [16, с. 42]. В своих рассуждениях философ «исходит из нравственного идеала нормативной общинности (Царства Божьего) и утверждает право как несовершенную, ограниченную нравственность, как необходимое средство для обеспечения возможности нравственного совершенствования» [13, с. 154]. Моральное поведение начинается через осознание собственного несовершенства, которое при наличии объективно данного совершенства перерастает в стремление к самосовершенствованию.

Тезис «право — есть низший предел или определенный минимум нравственности» [17, с. 448], т. е. «минимум добра», впоследствии станет своего рода «визитной карточкой» соловьевской философии права [19, с. 103] и будет вызывать острую критику как со стороны известных профессиональных юристов того времени (Г.Ф. Шершневич, Н.М. Коркунов), так и сторонников соловьевского направления в философии (Е.Н. Трубецкой). Однако особенно остро за рассмотрение права в качестве «инструмента реализации нравственного идеала» [20, с. 32] Соловьева критиковал именно Чичерин, полагавший, что есть внешняя свобода (право) и внутренняя (нравственный закон), и первая не должна смешиваться со второй, как это произошло у Соловьева, допуская вмешательство государства в сферу совести индивида.

Нравственность — не природное качество, человек свободен в своем нравственном самоопределении, которое не может детерминироваться правом. Право у Чичерина есть «самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека» [21, с. 84]. Их смешение таит опасность использования нравственных аргументов в правовой области для прикрытия произвола со стороны государственных органов и одновременно легитимизации мер принуждения в нравственности.

Главный аргумент Чичерина заключался в том, что разница между правом и нравственностью не может быть количественной (не «минимум» и не «максимум»), а носит качественный характер. Количественный подход делает возможным проявление субъективизма: можно произвольно увеличить или уменьшить этот минимум. Поэтому юридические нормы не должны содержать ничего нравственного.

Соловьев, впоследствии отвечая на этот аргумент, уточнит, что его тезис не следует интерпретировать буквально и рассматривать как исчерпывающую характеристику права, так как он в данном случае имел в виду скорее «количественную метафору», цель которой было противопоставить безграничность нравственности (возвышенного совершенства) ограниченности закона, реализующего добро лишь в относительной степени. Исходя из этого, философ уточняет: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [17, с. 450]. В связи с этим показательно само название работы Соловьева — «Оправдание добра». Философ выступает против шопенгауэровской и ницшеанской критики христианской идеи добра, сострадания и всепрощения. Оправдание идеи добра (нравственности как вселенского явления) достигается философом через решение двуединой задачи: «оправдание добра по отношению к праву и оправдание права по отношению к добру» [19, с. 99].

Тезис Соловьева о безусловности «организованного добра» также вызвал весьма резкую реакцию Чичерина, отождествлявшего его с принудительной властью. Вместе с тем Чичерин и Соловьев разделяли позицию о том, что нравственное совершенство — цель человеческого развития, и оценивали добро как нравственный принцип, основанный на свободе совести. Однако в понимании способов достижения этой цели согласия не было. Чичерин выступал против теократической модели, в рамках которой у Соловьева происходит сближение права и нравственности. Методологическая «увязка» права, морали и религии вызвала негативную реакцию современников [22]. Отечественная либеральная мысль того времени отвергла (к огромному разочарованию Соловьева) его теократическую утопическую модель государства, хотя при этом высоко оценила его идею «минимального обеспечения достойного существования», из которой следовало нравственное отношение к природе и запрет на ее «бесконтрольное завоевание». Идея об одухотворенности природы останется непонятной для Чичерина, кроме того, он охарактеризует как абсолютно «несерьезное» провозглашенное Соловьевым «право на помощь для ее преобразования и возвышения», так как субъектом права, по его мнению, может быть только свободно-разумное существо. Время подтвердит соловьевскую мысль о том, что совесть и ответственность должны быть теми детерминантами, которые сделают возможным гармоничное существование общества и природы.

Некоторые критики Соловьева (например, Г.Н. Шершеневич) [23, с. 470, 471] полагали, что философ соотносит нравственность и право как абсолютное и относительное, однако логика рассуждений Соловьева показывает, что в перспективе отношения к Богу как абсолют-

ному добру данные категории, безусловно, выступают относительными сферами. Это важный момент, свидетельствующий о том, что оба участника спора, признавая, что в государстве должна почитаться свобода, одновременно (по-разному) стремились реабилитировать право в условиях распространенного в России в тот период негативного отношения к нему. Резкость критики Чичерина частично была спровоцирована неприятием правовых методов реализации нравственного идеала в общественной жизни.

Отправной точкой для рассуждений Чичерина была свободная, автономная человеческая личность, через которую общество только и «обретает свой смысл и ценность». Индивидуализм — вот основа человеческого общежития. Обычно эгоизм толкает человека к расширению границ собственной свободы, а право ее ограничивает во имя общественного интереса, налагающего на человека нравственные ограничения (а значит, принуждение). Но нравственность, не имеющая принудительной силы (совесть), может только дополнить право (государственный принудительный закон), и лишь там, где закон оказывается недостаточным (в сфере, где он не имеет юридической силы). Нравственный закон — формальный, он основан на абстрактном предписании делать добро, но при этом он не уточняет требования (т. е. не налагает обязанность), как поступать в каждом конкретном случае. Конкретность требований — прерогатива юридического закона. Разница между ними, по мнению Чичерина, заключается еще в том, что первый — вечная и неизменная норма духовной жизни, второй — относительная, так как не может не соотноситься с потребностями, которые носят временный и изменяющийся характер. Правовой закон ориентирован на благо народа, поэтому он может уклоняться от неизменной нравственной нормы. В этой ситуации возможно столкновение разных целей. Достигнуть «всеобщей организации нравственности», по мнению Чичерина, нельзя путем внешнего принуждения. Здесь он резко выступает против соловьевского допущения о возможности государственного вмешательства в сферу человеческой совести, в ситуации, когда «государственный кулак» представляется меньшим злом, чем то, что он должен сокрушить. Отвечая на «мнимую» [15], как считал Соловьев, критику Чичерина, содержащую «фальшивые» аргументы, философ подчеркивает, что он в данном случае имел в виду лишь *допустимость* принуждения (в качестве признака права), но не принудительный характер права как такового.

Предметом спора также выступило понятие «свобода». Обсуждая, в каком значении его необходимо употреблять, Соловьев поясняет, что для него противоположностью свободы выступает не «принуждение», а «внутренняя необходимость», и такая свобода несовместима

с абсолютным нравственным совершенством. Понятие абсолютной свободы трактуется им как произвол. Чичерин на это возражает, подчеркивая, что никакого иного смысла в понятии «свобода» не может быть, когда человек совершает моральный выбор, и что нельзя допускать множество смыслов для данного понятия, делая его зависимым от контекста. Чичерин отмечает, что абстрактный и универсальный нравственный закон, обращенный к равноправным личностям, предполагает их свободное самоопределение, а значит, принудительная нравственность на самом деле имеет характер прямо противоположный, а именно безнравственности [21, с. 3, 4]. Нарушение нравственного закона, по мнению Чичерина, подлежит осуждению со стороны только таких институций, как общественность, церковь и т. п., но ни в коем случае не государства, так как тогда оно станет всевластным.

Нравственность всегда стремится к абсолюту, поэтому, опираясь на положение об этическом несовершенстве человека, Соловьев выдвигает «нереальную идею» (И.А. Ильин) об установлении Царства Божия на земле. Но если пойти по пути Соловьева, считает Чичерин, то придется формализовать нравственные максимы в виде юридических обязательств, а подобная институционализация нравственности будет иметь тяжелые последствия в виде лишения личности такого фундаментального права, как свобода совести.

Острота рассматриваемой полемики была обусловлена, во-первых, онтологическими установками ее участников: в основе чичеринской концепции лежит взгляд на мир, как он есть в реальности, здесь и сейчас; у Соловьева — каким он должен быть в перспективе, на основе веры философа в более высокий, чем на это способен ограниченный человеческий разум, идеал. Во-вторых, различались методологические установки и особенности стилей мышления полемистов. Так, у Соловьева стиль мышления тяготел, скорее, к синкретически-художественному, не отличался рациональной строгостью, что приводило иногда к неразличимости нравственного и правового [24, с. 84] и порой затрудняло понимание его позиции. У Чичерина главным был рационалистический, теоретико-философский подход. Академическая систематичность Чичерина отчасти явилась одной из причин не только непонимания, но и нескрываемого раздражения, временами прорывавшегося в ходе полемики со стороны Соловьева. Отдавая дань уму, эрудиции, научным знаниям в области юридического права, а также полемическому искусству своего оппонента, он, тем не менее, периодически обвиняет Чичерина в догматичности («не верит в прогресс науки»), утопичности (желает «остановить ход истории»), «издевательстве над логикой», использовании «фокусов гегелевской диалектики», непонимании и даже «чудовищном извращении» своей концепции.

Не отличался особой сдержанностью и Чичерин. Возражая Соловьеву с жаром и даже негодованием, он иногда использовал для оценки идей своего противника такие негативные эпитеты, как «бессмысленный», «безнравственный» и т. п., при этом небезосновательно полагая, что часть их споров с Соловьевым происходит из-за разного понимания ключевых понятий, а также дилетантизма последнего в вопросах права, где Соловьев сам себя признавал «профаном». Обида Соловьева на критику Чичерина была небеспочвенна, так как Чичерин часто слишком прямолинейно истолковывал его важные интенции и, не поняв их смысла, приписывал другой, против которого и возражал. Представляется, что такие взаимные обвинения участников полемики были следствием не только различия мировоззренческих установок, но и отсутствия общего понятийного аппарата, обусловленные недостаточной теоретической и методологической проработкой основных концептов как в правоведении, так и в философии права того времени.

Подводя итоги спора Соловьева и Чичерина, вызвавшего широкий критический отклик у современников, надо подчеркнуть, что он оказал серьезное влияние на дальнейшее развитие философии права и особенно на сознание современников, разделив их на два лагеря. Сторонники Соловьева, например, представители течения «возрожденного естественного права» в лице Б.А. Кистяковского, считали подход Соловьева более обоснованным, чем у Чичерина, неправомерно резко, на их взгляд, противопоставившего право нравственности. А тем, кто критиковал теократическую концепцию Соловьева за примат целого над частью, всеединства над индивидуальной свободой, возражали, приводя в качестве аргумента утверждение о том, что главное в теократии — не правовые нормы, а нравственные качества властителей, которые не позволят развиваться различным формам деспотизма (Н.Н. Алексеев).

Ряд исследователей, например А. Валицкий, современный специалист в области русской либеральной правовой мысли конца XIX в., высоко оценивший оригинальность философии Соловьева («абстрактного всечеловека», «бездомного бродяги» без «корней»), подчеркивал значимость категории всеединства как определяющего основания его религиозной философии. Именно с этих позиций, по его мнению, следует интерпретировать соловьевскую трактовку права как синтеза свободы и равенства, которая находилась в отношении противоположности к подходу славянофилов, считавших право «неизбежным злом». По его мнению, позиция Соловьева в понимании нравственности была близка европейской протестантской традиции. Признавая, что концепция Соловьева содержит элементы утопии, связанные с тем, что невозможно согласовать либеральные тезисы философии

права с принципом взаимной христианской любви, он считал ее важным вкладом в науку, подчеркивая, что именно благодаря Соловьеву можно рассматривать русскую традицию в философии права [25, с. 89]. По оценке А. Валицкого, спор между Соловьевым и Чичериным был весьма продуктивным, так как его итогом стал активный поиск исследователями новых методологических подходов, с одной стороны, снимающих крайности предложенных концепций и способствующих нахождению ответов на важнейшие вопросы, поставленные либеральной правовой мыслью России того времени, а с другой — стимулирующих дальнейшие исследования. Примером может служить возникновение новой версии либеральной мысли, так называемого социального либерализма [20, с. 34].

У Чичерина тоже были защитники. Например, П.И. Новгородцев, также ставивший во главу угла принципы личной свободы, поддержал критику соловьевского тезиса о праве как минимуме нравственности, считая его недоразумением. Он полагал, что нравственность, хотя и влияет на право, но не на всю его сферу, в которую могут входить и такие действия, которые не попадают под нравственный запрет. Главное соловьевское требование к праву — служить установлению Царства Божия на земле — утопично, ведь реальность не только не удовлетворяет требованию идеала, но и часто находится с ним в прямом противоречии [18, с. 300].

Идейное наследие Б.Н. Чичерина исторически оказалось менее востребованным как со стороны философов, так и со стороны юристов-правоведов [26]. Не оценили глубину его идей и публицисты того реформаторского времени, в которое он жил. Более того, многие из них, отдавая дань дарованиям и широкой философской эрудиции Чичерина («умной ненужности», по словам П.Б. Струве), не разобрались в сути его концепции и объявили его идеал примиренческим, не соответствующим потребностям русской общественности (В.В. Розанов), потому что он, как им казалось, выражает взгляды бюрократии и аристократии. Самого Чичерина они окрестили «либеральным консерватором», при этом одни критиковали его за то, что он якобы слишком консервативен, а другие — за то, что слишком либерален (М.А. Антонович, П.Б. Струве, П.Н. Миллюков).

Сегодня высказанные в ходе полемики идеи Соловьева и Чичерина не только не устарели, но и приобрели дополнительный смысл в рецепции современных специалистов в области философии права. Оправданность современного интереса и, соответственно, нового обращения к спору Соловьева и Чичерина обусловлена также тем, что сегодня в философско-этической литературе наблюдается некий «возврат» к классической новоевропейской этике с ее трактовкой морали как абсолютной точки отсчета при оценке человеческих поступков.

И, несмотря на возражения скептиков по поводу существования абсолютной морали, которая не может быть эксплицирована, так как это требовало бы признания наличия Абсолюта, а также исключения из ее содержания конкретных поступков индивидов и отсутствия в науке адекватных форм ее обнаружения, вопрос о том, как в современном плюралистическом мире такая мораль возможна, является предметом активных философских дискуссий [27, с. 4]. Примером может служить перекликающийся с установками Соловьева проект глобальной (универсальной) этики немецкого теолога Ганса Кюнга: «Категорическое качество этического требования, т. е. безусловная природа должностования, не может быть обоснована человеческими существами..., оно может быть обосновано лишь тем, что не обусловлено: Абсолютом, который обеспечивает всеобъемлющее значение» [28, с. 51].

В настоящее время в отечественной этической литературе сильна соловьевская традиция в оценке статуса нравственности: «Право по определению вторично по отношению к нравственности, дополняет ее, но вот сама нравственность не может рассматриваться как простое дополнение по отношению к праву» [29, с. 20]. Это опять порождает вопросы к тому, каким образом достаточно абстрактные моральные нормы, ориентированные на ответственность конкретного индивида, могут быть использованы в качестве оценивающей институции по отношению к законам права. Ведь «мораль и право, имея дело с одним и тем же предметом — поступками живых индивидов... представляют собой независимые друг от друга, автономные формы должностования» [2, с. 7]. Из этого рассуждения следует, что в философско-правовой мысли интуиция чичеринского подхода не просто сохраняется, а приобретает новые смыслы. Можно отметить, что в новых условиях продолжается старый спор о соотношении права и нравственности.

Диапазон имеющихся сегодня позиций по данному вопросу затрагивает многие коллизии полемики Соловьева и Чичерина, так и не разрешившей «антиномию права и нравственности, заключающуюся в феноменальности права и ноуменальности нравственности» [30, с. 187]. Полемика поставила под вопрос предложенные ее участниками стратегии решения проблемы, показав, что они не только не дали удовлетворительного решения проблемы, но и породили новые вопросы. Право и нравственность — это две нормативные сферы, которые находятся в сложном взаимоотношении, определяемом множеством факторов, отличающихся в разных культурах и в разные исторические эпохи. И отдать предпочтение той или иной позиции — значит предпочесть одну из систем ценностей, а следовательно, выйти в пространство «вечных» метафизических проблем, где тем более нет

удовлетворительных решений в силу отсутствия абсолютных критериев выбора.

Вполне закономерно, что новым шагом по разрешению антиномии права и нравственности должно стать снятие, «соединение взаимодополняющих миров в творческом действии» [30, с. 187]. Одной из методологических попыток в этом направлении можно считать современную *модель взаимодополнительности* (взаимное обогащение автономных сфер права и морали, нацеленное на защиту гуманистических ценностей), разрабатываемую представителями различных подходов в философии права (Дж. Роулз, Ю. Хабермас, В.С. Нерсесянц), которые стремятся найти способы гармонизации установок на поддержание общественного порядка, обеспечивающего реализацию общего блага и соблюдение прав отдельной личности.

Граница между последователями соловьевской традиции, относящими, как Г. Кюнг, проблему соотношения права и нравственности к теологической перспективе морального абсолютизма, и подходом Чичерина с его автономией этих взаимосвязанных социальных регулятивов продолжает воспроизводиться в этике, оставаясь предметом научных дискуссий. В этом контексте весьма справедливым выглядит вывод А.А. Гусейнова о судьбе и статусе идеи абсолютной морали (последовательно разработанной в кантовской версии), сделанный в ответ на возражения против нее: «Правильно понятая идея абсолютной морали не только не противоречит культурно-конфессиональному и политическому плюрализму, она является его необходимой предпосылкой» [27, с. 12]. Полный отказ от идеи абсолютной морали «чреват тем, что за абсолютную может быть выдана любая относительная ценность. Именно это мы имеем в современном мире, где те или иные группы и люди свои частные позиции, цели и интересы выдают за единственно истинные и безупречные» [27, с. 12].

Таким образом, имея схожие задачи по созданию социального «равновесия» [31, с. 43] между общественным благом и интересами личности как условиями сохранения и защиты базовых ценностей социума, а также его развития в направлении достижения более совершенного состояния, право и мораль демонстрируют теснейшую зависимость друг от друга: право с помощью законов организует нормативное пространство, выступающее необходимым условием для реализации нравственных поступков, а мораль ориентирует свободную личность на уважение закона, правовых ценностей. И если нравственные ценности общества приходят в кризисное состояние, то это неизбежно ведет к падению авторитета закона, которое наблюдается сегодня. И наоборот, «общество же, в котором люди не имеют правовой защищенности, никогда не придет к высокоразвитому правосознанию и уж, тем более, к нравственному совершенству» [32, с. 643].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Михайловский И.М. *Очерки философии права. В 3 т. Т. 1.* Томск, Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914, с. 143–160.
- [2] Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения. *Lex russica (Русский закон)*, 2018, № 8, с. 7–22.
- [3] Лукашева Е.А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное. *Взаимодействие права и морали.* Москва, Издательство Московского гуманитарного университета, 2014, с. 11–17.
- [4] Геращенко А.И., Геращенко И.Г. В.С. Соловьев о соотношении права и нравственности. *Studia Humanitatis*, 2018, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-s-soloviev-o-sootnoshenii-prava-i-nravstvennosti/viewer> (дата обращения 12.11.2022).
- [5] Алексеев С.С. *Теория права.* Москва, Бек, 1995, 320 с.
- [6] Харт Г. Позитивизм и разграничение права и морали. *Правоведение*, 2005, № 5, с. 104–136.
- [7] Фуллер Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту. *Правоведение*, 2005, № 6, с. 124–159.
- [8] Корнев А.В. В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность. *История права*, 2021, т. 74, № 7, с. 139–147.
- [9] Чижек С.Л. В.С. Соловьев и Б.Н. Чичерин: право, нравственность и некоторые философские вопросы уголовного права. *Полилог/Polylogos*, 2019, т. 3, № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110005004-6-1/> (дата обращения 11.10.2022).
- [10] Адорно Т.В. *Проблемы философии морали.* Москва, Республика, 2000, 239 с.
- [11] Нерсисянц В.С. *Философия права.* Москва, Норма, 2005, 656 с.
- [12] Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева. В кн.: *Сочинения.* Москва, Раритет, 1995, 448 с.
- [13] Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2005, № 4, с. 138–164.
- [14] Кожев А.В. Религиозная метафизика Вл. Соловьева. *Вопросы философии*, 2000, № 3, с. 104–135.
- [15] Соловьев В.С. Мнимая критика. Ответ Б.Н. Чичерину. *Вопросы философии и психологии*, 1897, кн. 4, с. 645–694.
- [16] Соловьев В.С. *Право и нравственность.* Минск, Харвест; Москва, АСТ, 2001, 190 с.
- [17] Соловьев В.С. *Оправдание добра. Сочинения. В 2 т. Т. 1.* Москва, Мысль, 1988, с. 47–548.
- [18] Трубецкой Е.Н. *Труды по философии права.* Санкт-Петербург, РХГА, 2001, 543 с.
- [19] Прибыткова Е.А. Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права. *Вопросы философии*, 2011, № 8, с. 98–110.
- [20] Валицкий А. Нравственность и право в теориях русского либерализма конца XX — начала XXI века. *Вопросы философии*, 1991, № 8, с. 25–40.
- [21] Чичерин Б.Н. *Философия права.* Санкт-Петербург, Наука, 1998, 658 с.
- [22] Доброхотов А.Л. Антиномия права и нравственности в философии Вл. Соловьева. В кн.: *Сущность и слово.* Москва, Феноменология-Герменевтика, 2009, с. 530–540.
- [23] Шершеневич Г.Ф. По поводу книги Вл. С. Соловьева «Оправдание добра». *Вопросы философии и психологии*, 1897, кн. 38, с. 456–474.

- [24] Макаров М.Г. Обоснование нравственного идеала в философии ранних славянофилов и у Вл. Соловьева. *Философские науки*, 1992, № 2, с. 74–88.
- [25] Вейманн А. Владимир Соловьев в исследованиях Анджея Валицкого. *Соловьёвские исследования*, 2014, вып. 4, с.76–89.
- [26] Аверин Н.М., Кокарев А.С. Научное наследие Б.Н. Чичерина: история и современность. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998, т. I, вып. 4. URL: <http://www.jourssa.ru/1998/4/averin.html> (дата обращения 10.11.2022).
- [27] Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали. *Вопросы философии*, 2003, № 3, с. 3–12.
- [28] Kung H. *Global Responsibility: In Search of a New World Ethic*. New York, Crossroad, 1991, 178 p.
- [29] Артемов В.М. Нравственное измерение и человеческий потенциал прав, политики, общества в целом. В кн.: *Нравственное измерение и человеческий потенциал права*. Москва, Проспект, 2017, 368 с.
- [30] Доброхотов А.Л. Культурфилософия Вл. Соловьева об антиномии права и нравственности. В кн.: *Философия культуры*. Москва, ИД ВШЭ, 2016, 557 с.
- [31] Яценко А.С. *Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1999, 254 с.
- [32] Панищев А.Л. Природа государства и права в полемике В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина. *Международный журнал экспериментального образования*, 2015, № 11–5. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=8781> (дата обращения 11.10.2022).

Статья поступила в редакцию 06.04.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крючкова С.Е. Полемика В.С. Соловьева с Б.Н. Чичериным о сущности права и об отношении права и нравственности. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-2-833>

Крючкова Светлана Евгеньевна — д-р филос. наук, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Polemics between V.S. Solovyov and B.N. Chicherin on the essence of law and the relationship between law and morality

© S.E. Kryuchkova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125165, Russia

The paper analyzes the famous polemics between the Russian religious philosopher V.S. Solovyov and the jurisprudence lawyer B.N. Chicherin on the deep essence of law, the principles underlying it and the relationship between law and morality. It substantiates that the approaches of understanding law of V.S. Solovyov, who interpreted law as a kind of ethical “minimum” keeping society from turning life into hell, were contradicting those of B.N. Chicherin, who proceeded from the ideal of a free individual person and proved the autonomous existence and multi-directionality of law and morality. However, both their approaches are having common counterpoints that are being revealed over time in the course of their positions reception by the modern researchers. When analyzing main arguments and counter-arguments presented by the parties, ideological foundations and methodological guidelines of the polemics participants were highlighted. On the example of interpreting such key categories as morality, law, freedom and conscience, conditionality was demonstrated of the conceptual contradictions inherent with the polemics participants due to their affiliation to different worldview types. Critical reactions of contemporaries to this dispute to a certain extent correlate with its assessments by the present-day researchers dealing with the problems of ethics and philosophy of law. It was concluded that in the domestic ethical literature today prevails (albeit in the “softened” version) V.S. Solovyov’s assessment of morality as a higher instance in comparison with the law. As a modern productive strategy in resolving the issue of relationship between law and morality, the paper proposes to consider the mutual complementarity model focused on harmonization using legal norms of the common good idea, on the one hand, and observance of rights of the individual person, on the other.

Keywords: law, morality, good, freedom, justice, state, coercion

REFERENCES

- [1] Mikhailovsky I.M. *Ocherki istorii prava* [Essays on the philosophy of law]. In 3 vols. Vol. 1. Tomsk, Izdanie Knizhnogo Magazina V.M. Posokhina Publ., 1914, pp. 143–160.
- [2] Guseynov A.A. Moral i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and law: a demarcation line]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2018, no. 8, pp. 7–22.
- [3] Lukasheva E.A. Vzaimodeystvie prava i morali: obschee i osobnoe [Interaction of law and morality: general and special]. In: *Vzaimodeystvie prava i morali* [Interaction of law and morality]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta Publ., 2014, pp. 11–17.
- [4] Gerashchenko A.I., Gerashchenko I.G. V.S. Solovyov o sootnoshenii prava i npravstvennosti [Vladimir Solovyov on the relationship between law and morality]. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-s-soloviev-o-sootnoshenii-prava-i-npravstvennosti/viewer> (accessed November 12, 2022).

-
- [5] Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow, Bek Publ., 1995, 320 p.
- [6] Hart G. *Positivism and the Separation of Law and Morals*. The Harvard Law Review Association Publ., 1958 [In Russ.: Hart G. Positivizm i razgranichenie prava i morali. *Pravovedenie*, 2005, no. 5, pp. 104–136].
- [7] Fuller L. *Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart*. The Harvard Law Review Association Publ., 1958 [In Russ.: Fuller L. Positivizm i vernost pravu. *Pravovedenie*, 2005, no. 6, pp. 124–159].
- [8] Kornev A.V. V.S. Solovyov i L.N. Tolstoy: dva vzglyada na pravo i npravstvennost [V.S. Solovyov and L.N. Tolstoy: two opinions on law and morality]. *Istoriya prava — Historia Lex*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 139–147.
- [9] Chizhkov S.L. V.S. Solovyov i B.N. Chicherin: pravo, npravstvennost i nekotorye filosofskie voprosy ugolovnogo prava [Vladimir Soloviev and Boris Chicherin: law, morality and some philosophical questions of criminal law]. *Polylog/Polylogos*, 2019, vol. 3, no. 1. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110005004-6-1> (accessed October 11, 2022).
- [10] Adorno T.W. *Problems of moral philosophy*. Polity Press, 2000 [In Russ.: Adorno T.W. Problemy filosofii morali. Moscow, Respublika Publ., 2000, 239 p.].
- [11] Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 2005, 656 p.
- [12] Novgorodtsev P.I. Ideya prava v filosofii Vl.S. Solovyova [The idea of law in the philosophy of Vl. S. Soloviev]. In: *Sochineniya* [Works]. Moscow, Raritet Publ., 1995, 448 p.
- [13] Gurvich G.D. Dva velichayshikh russkikh filisofa prava: Boris Chicherin i Vladimir Solovyov [Two greatest Russian philosophers of law: Boris Chicherin and Vladimir Solovyov]. *Proceedings of Higher Educational Institutions.. Pravovedenie*, 2005, no. 4, pp. 138–164.
- [14] Kozhev A.V. Religioznaya metafiziki Vl. Solovyova [Religious metaphysics of Vl. Solovieva]. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, 2000, no. 3, pp. 104–135.
- [15] Solovyov V.S. Mnimaya kritika. Otvet B.N. Chicherinu [Imaginary criticism. Answer to B.N. Chicherin]. *Voprosy filosofii i psikhologii (Problems of Philosophy and Psychology)*, 1897, book 4, pp. 645–694.
- [16] Solovyov V.S. *Pravo i npravstvennost* [Law and morality]. Minsk, Kharvest Publ., 2001, 190 p.
- [17] Solovyov V.S. Opravdanie dobra [Justification of good]. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ., 1988, pp. 47–548.
- [18] Trubetskoy E.N. *Trudy po filosofii prava* [Works on the philosophy of law]. Saint Petersburg, RKhGA Publ., 2001, 543 p.
- [19] Pribytkova E.A. Vladimir Sergeevich Solovyov o npravstvennom prizvanii prava [Vladimir Sergeevich Solovyov on the moral vocation of law]. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, 2011, no. 8, pp. 98–110.
- [20] Walicki A. Npravstvennost i pravo v teoriyakh russkogo liberalizma kontsa XIX — nachala XX veka [Morality and law in the theories of Russian liberals late XIX — early XX century]. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, 1991, no. 8, pp. 25–40.
- [21] Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998, 658 p.
- [22] Dobrokhотов A.L. Antinomiya prava i npravstvennosti v filosofii Vl. Solovyova [Antinomy of law and morality in the philosophy of law]

- V.S. Solovyov]. In: *Suschnost i slovo* [Essence and word]. Moscow, Phenomenologiya-Germenevtika Publ., 2009, pp. 530–540.
- [23] Shershenevich G.F. Po povodu knigi VI.S. Solovyova “Opravdanie dobra” [Regarding the book by VI. S. Solovyov “Justification of Good”]. *Voprosy filosofii i psikhologii (Problems of Philosophy and Psychology)*, 1897, book 38, pp. 456–474.
- [24] Makarov M.G. Obosnovanie npravstvennogo ideala v filosofii rannikh slavyanofilov i u VI. Solovyova [Substantiation of the moral ideal in the philosophy of the early slavophiles and VI. Solovyov]. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1992, no. 2, pp. 74–88.
- [25] Weimann A. Vladimir Solovyov v issledovaniyakh Andzheya Valitskogo [Walicki’s analysis of Solovyov’s views]. *Solovievskie issledovaniya — Solovyov Research*, 2014, no. 4 (44), pp. 76–89.
- [26] Averin N.M., Kokarev A.S. Nauchnoe nasledie B.N. Chicherina: istoriya i sovremennost [Boris Chicherin’s scientific heritage: history and contemporaneity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii — The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1998, vol. I, no. 4. Available at: <http://www.jourssa.ru/1998/4/averin.html> (accessed November 100, 2022).
- [27] Guseynov A.A. Ob idee absolutnoy morali [On the idea of absolute morality]. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, 2003, no. 3, pp. 3–12.
- [28] Kung H. *Global Responsibility: In Search of a New World Ethic*. New York, Crossroad, 1991, 178 p.
- [29] Artemov V.M. Npravstvennoe izmerenie i chelovecheskiy potentsial prav, poltiki, obschestva v tselom [A moral dimension and humane potential of law, politics, society as a whole]. In: *Npravstvennoe izmerenie i chelovecheskiy potentsial prava [Moral dimension and human potential of law]* Moscow, Prospekt Publ., 2017, 368 p.
- [30] Dobrokhotov A.L. Kulturfilosofiya VI. Solovyova ob antinomii prava i npravstvennosti [Cultural philosophy of VI. Solovyov on the antinomy of law and morality]. In: *Filosofiya kultury [Philosophy of culture]*. Moscow, ID VShE Publ., 2016, 557 p.
- [31] Yashchenko A.S. *Filosofiya prava Vladimira Solovyova. Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava* [Philosophy of law by Vladimir Solovyov. Theory of federalism. Experience of the synthetic law theory]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1999, 254 p.
- [32] Panishchev A.L. Priroda gosudarstva i prava v polemike V.S. Solovyova i B.N. Chicherina [The nature of state and law in the polemics between V.S. Solovyov and B.N. Chicherin]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya — International Journal of Experimental Education*, 2015, no. 11–5. Available at: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=8781> (accessed October 11, 2022).

Kryuchkova S.E., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru